

Глава первая

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

“**А** ты храбрая, девчонка...” Вовсе нет, ответила бы я Джо в эту минуту, когда стояла в прихожей, уставившись на свое отражение в зеркале. Я не узнавала себя в этом черном наряде, купленном в спешке. В “Даче” черное не носили. В “Даче” носили белое, светло-желтое, розовое, зеленое, голубое. В “Даче” одевались в цвета радости. Я бы хотела быть храброй и демонстративно явиться в цветном льняном платье. Но горе не позволило мне такую выходку. Простит ли он меня за это? Посмеется ли надо мной? Поймет ли мой гнев? Я на это надеялась, потому что в нем всегда таилось такое же негодование. Я сунула в карман черновик своего текста. Я злилась на весь свет за то, что должна была писать его и страдать, складывая слова и фразы в рассказ о его жизни. Я не хотела слышать свой ослабевший голос, когда через несколько часов буду их произносить. Но я все равно это сделаю.

Ради него. Ради нее. Ради них. Ради той жизни, которая была моей и которой я обязана им.

Я захлопнула дверь своей маслобойни и пошла в сторону двора, так плотно заставленного автомобилями, что они почти загораживали фонтан. В другое время я бы безумно радовалась: отель заполнен. Только причина аншлага была плохой, неправильной. Хотя... Не будь их сейчас здесь, я бы впала в неистовую ярость. На самом деле у них у всех был правильный повод присутствовать здесь. Клиенты съехались с разных концов страны. Самые первые заняли последние свободные номера — стояла середина весны, сезон только начинался, — всех, кто появился позже, бесплатно расселили в соседние гостиницы и сдаваемые комнаты. Поди пойми, каким образом разлетелась новость. Ни у кого из нас не нашлось времени сообщить всем. Оставалось вообразить, что весть разнесли почтовые голуби...

Я кивала тем, кого встречала по пути. Никто не решился подойти ко мне, мой мрачный вид всех отпугивал. Еще рано. Мне оставалось проверить, все ли готово для того, что будет потом, хоть я в этом и не сомневалась. Пустая отговорка, я хотела выиграть время. Замедлить его. Остановить. Я проскользнула в потайной служебный переход между отелем и рестораном. Толкнула тяжелую дверь и зашла в кухню. Шарль, наш шеф-повар, не заметил моего появления, по крайней мере, не показал, что заметил. По всей вероятности, он занимался готовкой всю ночь, не смыкая глаз и не появляясь дома. Амели, его жена, наверняка ждала Шарля и тоже не спала. Я подошла к нему и накрыла ладонью его дрожащую руку.

— Шарли, — мягко произнесла я, — по-моему, уже всего достаточно... Тебе пора переодеться.

— Ага...

Он отставил сковородку и погасил огонь. Потом схватил меня за плечи, и мы одновременно всхлипнули. Мы были знакомы уже двадцать лет. Когда-то давно различия между нами бросались в глаза, однако мы вместе прошли боевое крещение здесь, в “Даче”, поддерживая, ободряя и мотивируя друг друга, и теперь слова нам были не нужны. Мы долго простояли обнявшись, и я черпала в этом объятии мужество, необходимое, чтобы продолжить путь.

— До скорой встречи, — прошептала я, отходя от него.

В тот момент, когда я собралась переступить порог “Дачи”, голоса за спиной успокоили лихорадочный стук моего сердца.

— Мама!

Я обернулась и сбежала с крыльца, чтобы поймать в объятия Александра и Роми. Мой двенадцатилетний сын прильнул ко мне, как делал это в раннем детстве. Он словно бы за несколько дней опять стал восьмилетним и сравнялся по возрасту с сестрой. Я встретила обеспокоенный взгляд Самюэля, их отца, на чьем попечении они были в данный момент. Он присоединился к нам и непринужденно поцеловал меня в волосы. Мы с ним расстались, но смогли сохранить нежность и взаимопонимание. Не отпуская детей, я разладила воображаемую складку на его пиджаке. Самюэль, выступающий в таком торжественном наряде, позабавил меня, несмотря на ситуацию.

— Ты сегодня красивый, — шепнула я.

Он засмеялся и заправил за ухо непокорную прядь моих волос.

— Не думала, что однажды это скажу, но предпочла бы обойтись без этого комплимента.

Я поцеловала его в свежевыбритую щеку:

— Пойдем?

Мы уже давно не выступали все четверо единым фронтом. В душе я была благодарна Самюэлю за то, что в нужный момент он приехал. Возможно, мне удастся пережить церемонию с достоинством. Холл был забит друзьями, клиентами, соседями, жителями деревни. Но его отсутствие было почти осязаемым. Объятия, слова поддержки шепотом, тихий плач, звуки грустного смеха. Кто-то спрашивал, в котором часу движется траурный кортеж. Все ждали сигнала от меня — вопреки моему желанию, меня наделили на сегодняшний день ролью главного распорядителя.

— Где Маша? — спросил Самюэль, отведя меня в сторону.

— В библиотеке.

Я покосилась на часы: пора. Поцеловала детей, попросила хорошо себя вести и не отходить от папы. Большие черные глаза дочки, такие же, как у ее отца, наполнились слезами, я погладила ее по щеке, разрываясь между желанием успокоить, взять на руки и убежать вместе с ней — и моим долгом.

— Мне страшно, мама.

— Понимаю, мне тоже.

— Пойдем, Роми, — позвал ее брат.

Он увел ее, пресекая все возражения. Я следила за ними, пока они не скрылись в толпе гостей, с большинством которых были знакомы. Здесь они не потеются, всегда найдется кто-то, кто, если понадобится,

займется ими. Да, теперь они жили в “Даче” только каждую вторую неделю, но они здесь выросли.

— Я пошла.

— Эрмина, — остановил меня Самюэль.

Я повернулась к нему вполоборота и увидела на его лице все ту же полную нежности улыбку.

— Ты справишься?

— Ну конечно, ты же меня знаешь... Встретимся позже.

Он кивнул.

Перед закрытой дверью библиотеки я судорожно втянула воздух. Каждый уголок этой комнаты был мне знаком. Я прочла здесь столько книг благодаря Маше, особенно русской литературы, дорогой ее сердцу. Сколько раз Джо находил меня тут на рассвете уснувшей на диване? О моем появлении сообщил скрип дверных петель, но никакой реакции не последовало. Я бесшумно двигалась к ним, они неудержимо притягивали меня, их последнее свидание трогало до глубины души. Маша сидела возле своего Джо на неудобном стуле и ласково гладила гроб. Она тихонько выпевала для него русские слова любви, повторяла и повторяла шепотом *dusha moja*. Когда она перевела мне эти слова двадцать лет назад, я беззвучно заплакала, а ведь я тогда была кремень. Мне ничего не было известно о любви, и я в нее не верила. “Душа моя” ударила меня в самое сердце.

Я была уверена, что Маша здесь с самого рассвета. Она, несомненно, проснулась в свое обычное время, в полшестого. На ней было темно-синее платье с запахом, ее траурное платье сегодня. Она зашла на свою кухню,

сварила кофе и, наверное, заставила себя проглотить завтрак. Потом направилась к мужу, как делала это каждый день в последние пятьдесят пять лет. Попала через сад в библиотеку. За несколько часов Маша постарела на добрый десяток лет. Волосы, как всегда собранные в пучок на затылке, стали абсолютно белыми, хотя до сих пор седые перемежались с черными. Седина, тронувшая единственную прядь надо лбом и забывшаяся мне так ярко в нашу первую встречу, за одну ночь воцарилась безраздельно. Джо покинул ее, и только тогда старость завладела ею. Слишком много горя. Слишком много слез. Одиночество, которое ей не удастся ничем заполнить.

— Подойди, *golubka*, — едва слышно выговорила она, протягивая ко мне руку.

Когда она впервые назвала меня голубкой на своем языке, я почувствовала, что стала ей родной, что она подарила мне свою привязанность. Свою любовь. С Машей и Джо я открыла для себя любовь. Любовь, которая приносит добро, которая лечит, восстанавливает, помогает расти. Я поцеловала ее ладонь, продолжая смотреть на Джо, и погладила дерево гроба. Сейчас мне придется еще больнее ранить эту женщину, которую я так любила. Как решиться на это? Я цеплялась за гроб и сжимала ее такую хрупкую и в то же время такую сильную ладонь. Я растворялась в последнем объятии этих двоих, сделавших меня такой, какой я стала, и пыталась преодолеть дрожь и остановить подступающие слезы.

— Уже пора? — спросила она каким-то чужим жалким голоском.

— Прости, Маша.

Ее рвущееся дыхание окончательно сдавило мне сердце, которое и без того плохо справлялось со своей

работой. Она поцеловала мое запястье в знак того, что прощает.

— Скоро Джо покинет “Дачу”. Свою “Дачу”... Я должна была уйти первой... Позови их, голубка.

Спотыкаясь, я вышла из библиотеки. Едва я открыла дверь, передо мной вырос Самюэль.

— Где дети?

— Не волнуйся, они с Амели.

— Сходишь за остальными?

Он на несколько секунд прикрыл глаза, его челюсть дрожала. Через пять минут он вернулся с Шарли, с Габи — нашим легендарным старым поваром — и с работником похоронного бюро, потому что нужны четверо, чтобы нести гроб. Мы молча вошли в библиотеку. Маша обняла Джо, свою единственную любовь, в последний раз. Мы ждали, не проронив ни слова. Потом она поднялась и отступила на несколько шагов. Это послужило сигналом. Мужчины должны были приступить к исполнению своей печальной обязанности, и я тронула Самюэля за локоть и взглядом подбодрила его. Он тряхнул головой, с трудом справляясь с волнением. Смерть Джо потрясла его гораздо сильнее, чем я могла себе представить. Все, за исключением гробовщика, с почтением поцеловали Машу в щеку и заняли свои места, как им указал человек из похоронного бюро. Потом все вместе подняли гроб, в котором покоился Джо. Я обратила внимание на напрягшиеся бицепсы молодых, которые несли тело очень близкого человека, почти приемного отца, и на руки Габи — он нес тело спутника всей своей жизни и безутешно рыдал. Они шли торжественным, почти военным шагом. Самюэль и Шарль упорно смотрели прямо перед собой, ничего не разли-

чая, их лица почернели от горя. Я отодвинулась, чтобы не мешать им пройти. Маша замыкала процессию, держась с поразительным достоинством. Возле меня она замедлила шаг и улыбнулась.

— Иди за мной, голубка, и возьми своих малышей, — велела она.

На мгновение она предстала передо мной такой, какой была двадцать лет назад, одновременно решительной, нежной и властной, а еще всегда гордой. Джо, сопровождаемый женой, проследовал по “Даче” в последний раз, между двух рядов почетного караула, под взглядами своих друзей, жителей деревни, клиентов и верных сезонных работников. Всех, кто так или иначе был связан с “Дачей”. Маша остановилась на крыльце, я встала справа от нее, Александр и Роми крепко держались за мою руку. Полные слез золотисто-зеленые глаза Маши не отрывались от Джо.

— Все кончено, Джо ушел.

На кладбище было не протолкнуться, все хотели проводить Джо; некоторые пробирались поближе, протискиваясь между могилами, родители поднимали детей на каменный кладбищенский забор. На много километров вокруг его знали все. Деревенский священник пробормотал молитвы, благословил усопшего и, не утерпев, добавил несколько не предусмотренных ритуалом слов. Джо никогда не переступал порог церкви, опасался, как бы его не поразила молния, однако уважал религиозные представления, пришедшие из старых времен, в частности страх гнева Господня, и любил спорить, вести переговоры с представителем Всевышнего. Священник поведал нам об их нескончаемых беседах за стопкой пастиса в “Кафе у почты”,

которые они неизменно вели в базарные дни, поглощая айоли. Он сообщил нам, что Джо не верил, будто ему удастся получить прощение за все свои грехи, но говорил об этом со смехом и тут же заказывал очередную порцию выпивки. Одной стопкой он не обходился, уточнил кюре. Среди собравшихся раздались смешки, даже Маша засмеялась.

— Друг мой, не беспокойся, Господь в бесконечной доброте своей все прощает таким, как ты.

Несколько минут прошло в молчании, а потом он сделал мне знак. Я нежно поцеловала Машу в щеку и вышла вперед.

— Джо, я приготовила речь, но ты речи ненавидишь, поэтому пусть она остается у меня в кармане. Я не собираюсь пересказывать твою жизнь, ведь ты не любил о ней говорить. Ты сдержан, как все, кто вырос без семьи, и я избавлю тебя от неловкости — я такая же, как ты. Ты научил меня гордиться этим, благодаря тебе я примирилась со своим прошлым. Как бы я хотела, чтобы ты увидел всех пришедших к тебе: все они любят тебя и собрались вокруг тебя и вокруг Маши. “Дача” полным-полна, Джо, она живет во имя тебя и всегда будет жить во имя тебя. Через несколько часов в ней будет шумно, зазвучит цыганская музыка, которую ты так любишь, мы будем жить, мы будем пить, мы будем танцевать, как ты это всегда делал. Можешь на нас положиться: мы сохраним все традиции. У каждого из нас есть общие с тобой воспоминания, а у самых везучих — общий отрезок жизни. Пусть каждый погрузится в свою память и с трепетом вспомнит время, проведенное рядом тобой. Мой, наш с тобой, кусок жизни навсегда изменил меня, сделал той женщиной, которой я стала теперь. Ты открыл мне дверь

своего дома, хоть и не знал меня, ты не судил меня, а протянул мне руку. Ты научил меня надежде, работе, я поняла, что такое семья... Я стала сильной и гордой благодаря тому, что ты мне подарил, не ожидая ничего взамен. Я считала тебя бессмертным, Джо, но я ошиблась и злюсь на тебя за это. Ужасно злюсь. Впервые за все время нашего знакомства я готова победить свою робость и наброситься на тебя, наорать, наорать еще громче, чем это делаешь ты. Теперь ты представляешь себе силу моей ярости. Ты не имел права покидать нас так быстро, за несколько часов, не дав нам подготовиться к твоему отсутствию...

Мне пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Потом я продолжила:

— И все же я счастлива, что ты нас покинул именно так, на террасе своего ресторана, в окружении твоих клиентов, после того, как налил всем “на посошок” крепкого красного вина, которым обожал нас спаивать. Теперь ты встретился со своим ангелом. Скажи ей, что я хотела бы с ней познакомиться, сочла бы за честь. Но вам обоим, тебе и ей, не надо беспокоиться, я останусь здесь, рядом с Машей, и всегда буду заботиться о ней.

Я осмелилась поднять глаза на Машу, она мне улыбнулась, и я снова задышала полной грудью.

— Джо... я благодарна тебе за то, что ты ни разу не назвал меня по имени. Спасибо, что всегда звал меня девчонкой... Это так важно для меня, а ведь мы никогда об этом не говорили... Наша с тобой сдержанность помешала мне сказать тебе... но надеюсь, тебе и так все известно...

Я послала ему воздушный поцелуй, в последний раз ласково погладила дерево гроба, а потом снова встала на свое место, понурившись, стараясь проглотить

тить комок в горле. Маша обхватила мое лицо ладонями, поцеловала в лоб и заглянула в глаза.

— Верь, голубка, он знает. Джо знает...

“Дача” бурлила. Прием организовали в главном здании, там, где все начиналось. Ресторан был закрыт. Дети — мои, Шарля и Амели и все остальные — носились по саду, вокруг бассейна, проталкивались между гостями, хохотали, забегали в дом и выскакивали во двор, чтобы стащить пирожное или палочку шашлыка. Они дарили веселье присутствующим. Мангалы разожгли, факелы пылали, гирлянды лампочек освещали беседку, цыгане, верные друзья Джо, играли свою музыку — печальную, влекущую и околдовывавшую. Маша сидела на диване и терпеливо, любезно, вежливо и снисходительно выслушивала слова соболезнования. Я не теряла ее из виду, но все время перемещалась из столовой на террасу и обратно, проверяла холл, следила, чтобы у всех все было, старалась обменяться парой слов с каждым, чтобы никто не чувствовал себя обойденным. Да, мы оплакивали Джо, но это должен был быть праздник. Те, кто работал в отеле, пусть хоть один день, чтобы устранить какую-нибудь поломку, теперь участвовали в обслуживании гостей. Я заметила, как Самюэль и Маша тихонько о чем-то переговариваются. Он грустно усмехался. Через несколько минут он возник у меня за спиной.

— От Маши.

Самюэль протянул над моим плечом стопку водки. Я отказалась, мотнув головой. Маша была другого мнения, и взгляд, который она мне послала с противоположного конца террасы, гипнотизировал, приказывая выпить.

— Пожалуйста, выпей, Эрмина, сбрось напряжение, — шепнул мне на ухо Самюэль. — Джо бы это понравилось.

Я зажмурилась и одним духом выпила до дна. Горло обожгло. Тело прошил электрический разряд.

— Спасибо, — сказала я, отдавая ему стопку.

Потом я вернулась к своим обязанностям. Которые обязанностями не были, как бы их ни воспринимал Самюэль. Я все это делала, потому что хотела. Мне было нужно, чтобы, несмотря на печаль и вопреки причине нашего собрания, все были счастливы. Мне хотелось, чтобы Маше было легче от того, что ее Джо ушел так же, как жил, в атмосфере радушия и под музыку. Счастье клиентов, друзей и семьи — вот все, что было для него важно, все, что в восемьдесят с лишним лет поднимало его с постели затемно. И еще я не могла не признать, что суматоха помогала мне справиться. Жизнь, кипевшая в “Даче”, позволяла мне выстоять. Благодаря этим хлопотам я могла уважать себя. Быть гордой. Как они меня научили.